

8 янв. 1980г

КИРОВСКАЯ ПРАВДА

„ВДУМЧИВО ВНИКАЛ ВО ВСЕ...“

СМЯТЕННЫЙ царь Борис, совесть которого отягощена злодейством; бесстрастный судья его, мудрый летописец Пимен; беззаботный гуляка - бражник Варлаам... Во всех этих трех ролях одной оперы видели русские и зарубежные зрители выходца из вятской крестьянской семьи гениального артиста Федора Ивановича Шаляпина, который поставил потрясающую народную драму М. П. Мусоргского на сценах самых знаменитых театров мира.

Образы русских людей: героических, как Иван Сусанин, трагических, как Борис Годунов, Иван Грозный в «Псковитянке», Досифей в «Хованщине», привлекали Шаляпина. Артист стремился к их правдивому изображению. Работая над ролью, Шаляпин стремился узнать все о своих героях, об их эпохе. Он кропотливо изучал быт и нравы того или иного времени, посещал музеи, много читал, старался встретиться со знающими людьми.

Федор Иванович вспоминал в «Страницах из моей жизни», как трудно ему пришлось работать над ролью Ивана Грозного в «Псковитянке»:

«В то время у меня не было такого великолепия учителя, как В. О. Ключевский, с помощью которого я изучал роль Бориса Годунова».

С замечательным русским историком, великолепным лектором, прекрасным рассказчиком Василем Осиповичем Ключевским Шаляпин познакомился летом 1898 года во Владимирской губернии, где он жил тогда с композитором и пианистом С. В. Рахманиновым.

«Никогда не забуду я эту сказочную прогулку среди высоких сосен по песку, смешанному с хвоей, — вспоминал Шаляпин. — Идет со мной старичок, подстриженный в кружало, в очках, за которыми блестят узенькие мудрые глазки, с маленькой седой бородкой, идет и, оставившаяся каждая пять—десять шагов, вкрадчивым голосом, с тонкой усмешкой на лице передает мне, точно очевидец событий, диалоги

между Шуйским и Годуновым, рассказывает о приставах, как будто был лично знаком с ними, о Варлааме, Мисаиле и обаянии Самозванца. Говорил он много и так удивительно ярко, что я видел людей, изображаемых им. Особенное впечатление произвели на меня диалоги между Шуйским и Борисом в изображении Ключевского. Он так артистически передавал их, что, когда я слышал из его уст слова Шуйского, мне думалось: «Как жаль, что Василий Осипович не поет и не может сыграть со мною князя Василия!»

«В рассказе историка, — продолжал вспоминать Шаляпин, — фигура царя Бориса рисовалась такой могучей, интересной... Ключевский очень подчеркнул одиночество Годунова, его яркую мысль и стремление к просвещению страны».

Академик М. В. Нечкина, обратившая внимание на передачу Шаляпиным той

концепции о Борисе Годунове, которую изложил при встрече с ним Василий Осипович, пишет в своей фундаментальной и интереснейшей работе, посвященной биографии Ключевского: «Стоит сопоставить это описание со страницами, посвященными Борису Годунову в «Курсе» Ключевского, чтобы убедиться, как сдержанно передал Ключевский в «Курсе» свою концепцию о царе Борисе». Сдержанность историка объяснялась прежде всего условиями, в которых ему приходилось работать и читать лекции. В частных же беседах, таких как с Шаляпиным, историк, конечно, мог сказать больше, чем на лекциях и в знаменитом «Курсе русской истории».

Федор Иванович и позднее часто пользовался умными и доброжелательными советами Ключевского. Как человек, посвятивший жизнь театру, он не мог не отметить в Ключевском замечательных

актерских способностей. А они действительно проявились, особенно в лекциях, на которых аудитория буквально ломилась от желающих послушать Василия Осиповича.

Шаляпин вспоминал, как Ключевский невольно перевоплощался в коварного интригана Василия Шуйского: «Остановится, отступит шага на два, протянет вкрадчиво ко мне — царю Борису, — руку и так рассудительно, сладко говорит...» Нельзя не быть признательным литературному мастерству Шаляпина, который сохранил для нас живые черты одного из талантливейших русских историков.

В декабре 1903 года после своего бенфеса в Большом театре Федор Иванович пригласил гостей отужинать в одном из московских ресторанов. Собралось человек до ста. Среди присутствующих был и Ключевский.

Писатель Н. Д. Телешов, прекрасный знаток литературной и театральной жизни

Москвы, рассказал об этом вечере в книге «Записки писателя»: «Много здесь было всяких речей и выступлений, но особенно значительной была речь знаменитого историка, профессора Василия Осиповича Ключевского, который рассказал, как готовился к своим ролям Шаляпин, как просил он помочь ему уяснить образы Годунова и Грозного, психологию этих образов, как он вдумчиво вникал во все и как работал, как прошивал часами в Третьяковской галерее перед полотном Репина, перед иступленной фигурой грозного царя, думая глубокие думы. Этого никто не знал, никто не понимал огромной творческой работы над самим собой великого артиста, думая, что все дается ему случайно и без особого труда. А талант, помимо своей врожденности, есть труд и огромный труд, прежде чем он заблестит на людях».

В. СЕРГЕЕВ.